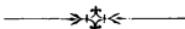

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.
1913 — 1914.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ДВУХЪ ТАБЛИЦЪ И СЪ ДВУМИ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ).

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вос. Остр., 9 лин., № 12.
1915.

384. Kien-ch'ui-fan-tsan (*Gaṇḍīstotragāthā*), *сохранившийся из китайской транскрипции санскритской гимн Асвагхош'и*,... и пр. изд. и при помощи тибетского перевода объяснил бар. А. Ф. Сталь-Гольштейнъ. СПб. 1913 (*Bibliotheca Buddhica*. XV).

Предлагаемая вниманию читателя работа барона А. А. Сталь-Гольштейна является интересным опытом дешифровки санскритских текстовъ въ китайской транскрипціи; первая попытка была сдѣлана S. Lévi, еще въ 1895-6 гг. возстановившимъ санскритскій текстъ Aṣṭamahācāityavandana¹⁾ и Trikāyastava²⁾.

Заманчива перспектива открытія новыхъ буддійскихъ текстовъ въ чуждой китайской формѣ; насколько они интересны сами по себѣ и важны для исторіи буддизма и индійской литературы вообще — покажетъ будущее. Изданные пѣнь 3 гимна, транскрибированные въ концѣ X в. монахомъ Фа-тянемъ (*Fah-t'ien*), не оправдываютъ ожиданій: это довольно ординарныя *stotra*, гимны въ честь Гаутамы Будды, 7 буддъ и Манджушри. Едва-ли можно въ нихъ найти, даже при самомъ тщательномъ изученіи, какіа-либо поэтическія красоты, оригинальныя мысли. Оговоримся, что вкусъ пишущаго эти строки, очевидно, испорченъ чтеніемъ сотенъ подобныхъ *stotra*, чтеніемъ по обязанности при каталогизаціи петербургскихъ собраний индійскихъ рукописей. Первый, болѣе значительный и по размѣру гимнъ, *Gaṇḍīstotra*, восхваленіе *gaṇḍī*, деревяннаго инструмента, употребляемаго въ буддійскихъ храмахъ и понынѣ для созыванія вѣрующахъ. Это доска, которую ударяютъ молоткомъ. Издатель текста сравниваетъ его съ колоколомъ; мы бы предпочли сближеніе съ *биломъ*, которое употреблялось въ древне-христіанской церкви, а кое-гдѣ употребляется и нынѣ (Авонъ). Можетъ быть, если бы прослѣдить исторію била, удалось бы найти и нѣкоторую генетическую связь его съ буддійской *gaṇḍī*.

Авторъ гимна восхваляетъ собственно не столько *gaṇḍī*, сколько Будду Гаутаму, точнѣе бодхисатву, описывая его борьбу съ искусителемъ Марой и пр. Этотъ гимнъ въ тибетскомъ колофонѣ приписывается Асвагхошѣ (*Aśvaghoṣa*); издатель принимаетъ это утверженіе и выставляетъ его на обложку. Въ примѣчаніяхъ, свидѣтельствующихъ о блестящей эрудиціи, г. Сталь-Гольштейнъ приводитъ немало параллелей изъ другихъ произведеній знаменитаго буддійскаго поэта. Намъ кажется, однако, что въ данномъ случаѣ была бы умѣстна нѣкоторая осторожность: одного утвержденія тибетскаго колофона еще не достаточно — стоитъ взять *Catalogus Catalogorum* Ауф-

1) Actes X Congr. int. or. (Leide, 1895, II part., pp. 189—203).

2) Ср. v. Staël-Holstein, Bemerkungen zum Trikāyastava (Изв. ИАН. 1911, стр. 837).

рехта и раскрыть его на имени какого-либо знаменитого писателя, Калпдасы, Шанкары и т. д., чтобы найти десятки, сотни приписываемых имъ ничтожныхъ гимновъ. Почему же предполагать, что именно знаменитый Ашвагоша есть авторъ издаваемого гимна? Это можно было бы утверждать, лишь имѣя данныя изъ его биографіи или же исходя изъ внутреннихъ соображеній. Перваго мы не имѣемъ (едва ли достаточно того обстоятельства, что *gaṇḍī* упоминается въ китайскомъ жизнеописаніи Ашвагоши не менѣе 8 разъ — введеііе, стр. XXIII); что касается соображеній стила, языка, то они скорѣе говорятъ противъ предположенія издателя. Трескучіе стихи, уснащенные аллитераціями, подборъ рѣдкихъ словъ, выисканныхъ, очевидно, въ словарѣ, безконечно далеки отъ простаго, изящнаго стила *Buddhacarita* и др. несомнѣнныхъ произведеній Ашвагоши. Намъ кажется вѣроятнымъ предположеніе, что *Gaṇḍīstotra* — произведеніе, гораздо болѣе поздняго времени, нежели I—II в., когда жилъ Ашвагоша, лишь приписанное знаменитому поэту, или же дѣйствительно продуктъ творчества какого-то Ашвагоши (хотя послѣднее — менѣе вѣроятно). Два другихъ гимна, *Saptajinastava* и *Āryamañjuṣṛīnāmāṣṭaṣṭaka*, еще менѣе интересны. —

Центръ тяжести работы г. Сталь-Гольстейна лежитъ, намъ кажется, скорѣе въ методѣ дешифровки китайскихъ іероглифовъ, «ретранскрипціи» текста. Если путь г. Сталь-Гольстейна правиленъ, то чрезвычайно облегчается задача истолкованія индійскихъ словъ, именъ и терминовъ, встрѣчающихся въ китайской (главнымъ образомъ буддѣйской) литературѣ. Г. Сталь-Гольстейнъ работалъ слѣдующимъ образомъ: онъ беретъ строчку китайскихъ знаковъ, подставляетъ ихъ значеніе по словарю *Williams'a* и въ 3-й строкѣ даетъ приблизительное санскритское значеніе, и наконецъ реконструированный текстъ. Въ подстановкѣ значеній китайскихъ знаковъ, авторъ избѣгаетъ всякихъ коньектуръ (что подчеркивается на стр. IX введеііа). Скромность автора вполне понятна, такъ какъ онъ не считаетъ себя специалистомъ—синологомъ. Разумѣется, большимъ подспорьемъ оказывается тибетскій переводъ, позволяющій съ достаточной точностью возстановить смыслъ и санскритскій текстъ. Авторъ произвелъ цѣлый рядъ статистическихъ изысканій: въ «Указателѣ» приведены всѣ мѣста, гдѣ встрѣчается данный китайскій знакъ и значеніе его; удалось установить несомнѣнную послѣдовательность транскриптора, такъ знакъ *foh*, встрѣчающійся 140 разъ, 137 разъ передаетъ *vā (bā)* и всего 3 раза *dhā*, и т. п. Можно думать, что синологамъ этотъ Указатель окажется весьма полезенъ. Однако, достаточны ли результаты этой колоссальной, многолѣтней работы? На стр. 3, въ первой строкѣ мы встрѣчаемъ знакъ *tsung*, который соотвѣт-

ствуеетъ санскритскому *°vam*; невольно спрашиваешь себя, имѣлъ ли транскрипторъ какое-нибудь представленіе о санскритѣ. Раскрывъ Указатель (стр. 186), мы узнаемъ, что этотъ знакъ, согласно китайскимъ авторитетамъ, является слитнымъ начертаніемъ двухъ знаковъ *wi + man*, что объясняетъ непосвященному эту непостижимую съ перваго взгляда тайну. Мы полагаемъ, что авторъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ нежеланіи давать «коньектуры»: чтеніе *tsung* не даетъ никакого смысла и лишь вводитъ читателя въ заблужденіе. Знакъ № 119 *nao* передаетъ санскр. *rau* (стр. 7, ст. 11); компетентное лицо объяснило намъ, что этотъ знакъ, вѣроятно, слитный изъ знаковъ *lan + nao = lao*, что опять-таки вполне понятно. На стр. 71, ст. 7 знакъ *keu* долженъ соответствовать санскр. *°to*; въ Указателѣ (стр. 165) авторъ высказываетъ предположеніе, что этотъ знакъ попалъ въ текстъ по ошибкѣ вмѣсто похожаго іероглифа *tu*. Такихъ странностей, порождающихъ недоумѣніе, можно привести гораздо больше. Какой же напрашивается выводъ? Прежде всего тотъ, что вторая строка текста, латинская транскрипція китайскихъ звуковъ, имѣетъ мало общаго съ санскритскими звуками, которые эти знаки должны передавать. Эта «свободная отъ коньектуръ» транскрипція смѣло могла бы быть замѣнена цифрами, номерами: другого смысла, какъ облегчить читателю — *синологу* нахожденіе значенія іероглифа, она не имѣетъ, а этой цѣли цифры могли бы служить не хуже. Далѣе: «коньектуры» во многихъ мѣстахъ напрашиваются сама собой, по крайней мѣрѣ, лицу, знакомому съ китайскимъ языкомъ, — читатель же несинологъ становится безъ нихъ въ туинкѣ. Совершенно ясно, что чтеніе китайскихъ знаковъ транскриптора X в. было близко къ санскриту, т. е. онъ стремился передать чуждые звуки возможно точнѣе. Но каково было его китайское произношеніе? А priori можно сказать, что оно едва-ли вполне совпадало съ сѣвернымъ произношеніемъ словаря Williams'a. Слѣдовательно, здѣсь необходимо было знакомство съ исторіей китайскаго языка, установленіе (по мѣрѣ возможности) діалекта транскриптора; въ крайнемъ случаѣ надо было бы избрать, можетъ быть, южное произношеніе, какъ болѣе древнее, — даже, смѣемъ думать, былъ бы умѣстенъ извѣстный эклектизмъ: подборъ чтеній изъ различныхъ діалектовъ, наиболѣе подходящихъ къ санскритскимъ словамъ, которыя въ общемъ можно считать установленными тибетскимъ переводомъ. Намъ кажется, что синологъ при самомъ маломъ знакомствѣ съ санскритомъ весьма легко справился бы съ этой задачей, тогда какъ пидианистъ, неувѣренный въ своихъ познаніяхъ въ области китайскаго языка, черезчуръ склоненъ рабски отнестись къ тексту, который китайскіе переписчики, вѣроятно, шеплосердно искажали, такъ какъ онъ былъ для нихъ тарбарщипной. Тамъ, гдѣ автору

приходилось ломать голову, синологъ сразу же открылъ бы ошибку: лишняя черта, вѣдь, совершенно мѣняетъ дѣло.

Опытъ г. Сталь-Гольстейна, конечно, интересенъ и, какъ мы уже говорили, можетъ быть весьма полезенъ, но мы не можемъ не указать, что эта работа грѣшитъ противъ принципа экономіи силъ: при все уменьшающемся числѣ индѣанистовъ, при тѣхъ громаднѣхъ возможностяхъ, которыя открываются ученому, изслѣдователю буддизма, знакомому хотя бы поверхностно съ китайскимъ языкомъ, едва-ли три банальныхъ гимна, «возвращенныхъ» индѣанистикѣ, окупаютъ громадную затрату силъ.

Что касается чисто *индѣйской* части работы, то мы, ввиду необычайно тщательной отдѣлки со стороны автора, отнимающей почти всякую почву у критика, ограничимся лишь немногими замѣчаніями.

Стр. 129, прим. 3: «*Anāṅga* одно изъ именъ божества, обыкновенно называемаго *Māra*». Здѣсь не достаесть, по нашему мнѣнію, одного слова: «называемаго буддѣями», такъ какъ *Māra* въ общесанскритской литературѣ далеко не является обычнымъ названіемъ бога любви (*Kandaṅga*, *Smara* и т. д.). Едва ли можно употреблять какъ синонимы термины «древнеиндѣйскій» и «санскритскій», какъ это дѣлается на стр. 115: первый терминъ обычно примѣняется лишь къ языку Ведъ. Вполнѣ извинительна нѣкоторая небрежность русскаго стиля, примѣрами которой являются обороты: «Ввиду вышеизложеннаго и принимая въ соображеніе тотъ фактъ....» (стр. 107), «Первымъ дѣломъ поражаетъ....» (стр. 108—109). Зато рѣжетъ глазъ непослѣдовательность въ трактовкѣ иностранныхъ именъ которыя то склоняются, то пѣтъ: «...*Emil*'я *Schlagintweit*» (стр. 128); «...согласно *Rockhill*'ю» и «...доктору *Thomas*» (стр. 141).

Н. М.

385. W. Rickmer Rickmers. The Duab of Turkestan. A physiographic sketch and account of some travels. With 207 maps, diagrams and other illustrations. Cambridge 1913. XV + 564 p. 8° maj.

Въ настоящей книгѣ, по словамъ автора, къ путевымъ очеркамъ (авторъ имѣлъ возможность посѣтить, въ теченіе ряда лѣтъ¹⁾, бассейны Заряфшана, нѣкоторыя мѣстности Бухарскаго ханства и Памиръ) присоединены «урока по элементарной физическаго географіи» (*teaching of a little elementary physiography*). Специально-научные вопросы разсматриваются въ приложенияхъ; тамъ же мы находимъ, кромѣ указателей предметовъ и

1) Точная дата начала и конца путешествій не приводится; при описаніи отдѣльныхъ путешествій упоминаются даты отъ 1896 до 1908 г.; при описаніи Бухары говорится, что городъ успѣлъ уже измѣниться съ тѣхъ поръ, какъ авторъ въ первый разъ видѣлъ его восемнадцать лѣтъ тому назадъ (стр. 92).